

УДК 821.161.1-1

ОБРАЗ СКОМОРОХА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. ТРЯПКИНА

Т. Н. Хриптулова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

Предметом исследования в статье является образ скомороха в стихотворениях Н. И. Тряпкина. В русской литературе образ скомороха сохранился как исторический образ непревзойденного артистического мастерства, ловкости, хитрости, смекалки, цинизма. В произведениях поэта образ скомороха трансформировался в потешника, шута и балагура, воплощение русского народного характера.

Ключевые слова: образ, скоморох, традиция, фольклор, Н. И. Тряпкин.

В. А. Редькин в статье «Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина» указывает, что лирический герой стихотворений поэта – личность многогранная: это и певец, и песельник, и скоморох [12, с. 57]. Л. Аннинский, анализируя стихотворение «Про тулуп» (1962), посвященное А. Прокофьеву («И стоишь ты наверху, / Опершись на ольху. / Кабы мне такую шубу – / Олонецкую доху, – / Чтобы в качестве такого / Я прошелся по Москве, / Чтобы критика Туркова / Я упрятал в рукаве»), пишет: «Олонецкий ведун Клюев надежно засунут в рукав, в другом рукаве обеспечивает симметрию критик Турков (между прочим, отличающийся скупуплезной честностью своих оценок), но никто не должен обижаться: дело не в них, а в самой “скоморошине”, которую запускает в литературное небо поэт Николай Тряпкин» [1]. По мысли критика, при анализе «Стихов о Николае Тряпкине» (1973) следует рассмотреть «скоморошину», так как в ней утверждено имя поэта в первых двух строчках, взятых из Некрасова и переделанных Тряпкиным на свой поэтический лад: «Не бездарна та планета, / Не погиб еще тот край, / Если сделался поэтом / Даже Тряпкин Николай» [Там же].

В. Г. Бондаренко считает, что народное, совсем иное, чем официальное, отношение ко многим историческим событиям и личностям прорывалось в фольклоре, в лубке, в представлениях скоморохов. У Тряпкина оно выражалось тоже не как его личное, а как нечто природное, нечто выкрикнутое из народного сердца [3, с. 37]. В. Журавлев в предисловии к сборнику «Гуси-лебеди» (1971) называет самого Тряпкина поэтом-гусяром, представшим перед своими читателями уже зрелым мастером, завершенным в раскрытии своих поэтических замыслов [7, с. 12].

Вопрос о репрезентации образа скомороха в поэтическом творчестве Тряпкина имеет свои особенности. В древности скоморохи совмещали в одном лице игрока, плясуна и гудца. По этому признаку – одновременному владению разными видами искусства – можно устанавливать изображение скомороха в тексте, если он не назван: «Не рифмованная капуста / И не кляузы Би-би-си. / Это – голос певца-златоуста, / Гуслезвонца всея Руси» [17, с. 200]. Со временем в среде скоморохов произошла дифференциация по профессиональному признаку (гусяры, дудари, со-

пельники) [4, с. 65]. В стихотворениях поэта доминирует образ мастера-гусельщика, владеющего инструментом как музыкант: «А мы скажем-споем, гусяры-соловьи, / Как, столы окружая, гремели скамьи, / Как у наших ворот колобродил народ / И звенел под полозьями хрупчатый лед» («Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958); «Старинные песни, забытые руны! / Степные курганы, гусярные струны! / Далекая быль!» («Старинные песни», 1973), «Песни мои – это “Тихий Дон”, / Гусельный клекот моих времен, / Горечь земли и радость земли, / Гуси мои, журавли мои» («Песни мои...», 1980).

В поэтическом творчестве Тряпкина народным музыкальным инструментам далекого прошлого уделяется очень большое внимание. Их звучание необычное, волшебное, прекрасное. В подобной оценке сохраняются следы сакрального отношения к музыке. Такие музыкальные инструменты всегда изображаются как волшебные предметы: «Заиграют гусли с перевоза – / Встрепенется белая береза, / Затомит гусяр тебя у пруда. / Вот такое, девки, будет чудо» («Девушка зарницу поджидала», 1962), «Что за дудка-самогудка / Из далеких лет! / Только выйду, заиграю – / А зимы и нет» («Журавли всё с юга, с юга...», 1966). Эпитет «самогуды» образован от слова «гудок» – старинный смычковый инструмент [4, с. 67]. У Тряпкина – «Ах вы, чуды мои причуды – / Эти гусельки-самогуды, / Да касатка моя – трехрядка, / Да поддужные соловьи!» («Что за купчики проезжали...», 1968).

Гусли – «чудо чудное, диво дивное» – могут называться «гусли-самопевцы» [Там же, с. 66], они сами пляшут, сами песни поют: «Ай вы, гусли мои, ай вы, гуси мои, / Гусли-гуси! / То ли радуга-дуга, то ли в пляске луга / У Маруси. // То ли в пляске луга, то ли бровь дорога, – / Эх ты, лада! / То ли в небе журавли, то ли в небе корабли / Для приклада» [14, с. 506].

Гусли награждают человека музыкальностью. Музыканты в стихотворениях поэта – талантливые умельцы: «Только на́ плечи накинута / Да с кружевом платок. / Только жилочка запрыгала, / Застукала в висок. / Только белые горошины / Да с красна рукава. / Только шутки-скоморошины – / Затейные слова» [Там же, с. 519].

Использование двусоставных слов (шутки-скоморошины) – характерный прием лирики Тряпкина, который сразу же определяет его отношение к герою, событию, явлению природы, окружающему миру [13, с. 154]. В данном случае – к слову и творчеству. Талантливость исполнителя подчеркивается воздействием его игры на окружающую действительность: все живое принимается плясать: «Заплясали скоморошины, / Запели на устах. / Ты стоишь, моя хорошая, / Взвиваясь на носках. / Зацвели твои подмосточки, / Как радуга-дуга. / Заиграли твои косточки, / Застукала нога» [14, с. 519].

Это метафорическое изображение высокой степени выразительности гусельной игры, мастерское исполнение музыкантов из скоморошьей среды. Переиграть их трудно, такая игра вызывает потрясение среди гостей. В стихотворении «Песня о деревне Белавенки» (1966) игра на гусях изображена столь привлекательной и захватывающей, что народ спешит послушать чудесную музыку: «И вот у нас / По всем ночам / Идут бои гусярные <...> И только – / Пыль со всех сторон, / Кострика в нос врывается. / И свищет лен, / И пляшет лен, / А гусяры стараются!» [Там же, с. 286].

В фольклорной традиции волшебными звучащими музыкальными инструментами владеют загадочные персонажи, преимущественно старики необычной внешности, вызывая представление о масках и напоминая изображения скоморохов раннего Средневековья в их рогатых шутовских колпаках с бубенцами [5]. Главный

герой стихотворения «Степан» (1966) – счетовод, «не башка, а целая контора», «с бурей рыжей бороды», «в гусельном разгоне» появляется как «легенда, полная простора» [14, с. 300].

Контекстуальная значимость антропонима («Степан») подчеркивается его вынесением в сильную позицию текста – заглавие. Имея определенную заданность, заглавия несут в себе первичную информацию: они призваны ориентировать читателя в пространственно-временном плане художественного текста, указывать на главное действующее лицо, отражать основную идею произведения [8, с. 60]. Данное текстообразующее средство играет существенную роль в раскрытии иерархии выраженных в произведении образов и идей [2, с. 23]. Стихотворение, в котором автор выражает напряженные думы о прошлом и настоящем России, пронизано «земляным» чувством [1]. Имя *Степан*, древнегреческое по происхождению со значением «венюк» [11, с. 205], было типично для крестьянского мира. Для Тряпкина, чья поэзия глубоко уходила корнями в деревенскую почву, характерно особое внимание к устному народному творчеству. «В забубенном сказе» о Степане у Тряпкина с песенным словом хорошо уживается и сказовая, также народная в своей основе речь [9, с. 462].

З.И. Власова в своем исследовании «Скоморохи и фольклор» (2001) пишет о том, что едва ли не со времени их учреждения во времена Ивана IV Грозного появляется традиция играть и петь у кабаков. Также исследователь отмечает, что в награду за свою игру скоморохи могут попросить «рюмочку винца», «стаканчик пивца». Традиция требовать угощения и платы складывалась в условиях раннего Средневековья, когда скоморохи были организаторами и зачинщиками обрядовых празднеств, свадеб и похорон [5]. В проанализированных текстах Тряпкина лишь единожды встречается образ скомороха-пьяницы. В стихотворении «Исполать тебе, отцовский дом» (1973) лирический герой – колхозный соловей «только водку жрет со скоморохами» [16, с. 373]. Очевидно, что в данном случае образ скомороха – сниженный, «бесхарактерный», его функция определена традиционной фольклорной сюжетной функцией героя-гуляки.

В 1981 году Тряпкин написал стихотворение «Царская дорога», впоследствии давшее название всему сборнику. А. Жигулин в своей рецензии 1983 года на сборник поэта пишет: «Скажу сразу, что рукопись Николая Тряпкина меня взволновала. Иные стихи даже потрясли. Вот цитата из стихотворения об Иване Грозном, давшее название всему сборнику:

Пусть он в прахе исчез. А в потомстве он так недалек!
Он костями исчез. А вот дыхом – в любой еще сваре!
Вот часовня его. Из горбатых камней теремок.
Царь молиться любил. И рыдал в покаянном угаре.
Принажми-ка, шофер! И с разгону – была не была!
Разотри на песке это жуткое, злое виденье.
Мы и сами в свой час – не с его ли визжали кола?
Не с его ли крюков на скудельные шли удобренья?..

Плоть от плоти, кость от кости родной страны, родного народа, поэт остро переживает все, что происходило или происходит тут, на его земле, с его земляками и соседями, предками и современниками, родичами по крови и по духу» [6], поэтому в характере Ивана Грозного и сочетаются черты трех разных образов, берущих начало из народной культуры, один из которых – образ скомороха:

Вот он там, впереди, вихревым заметался хвостом,
И взлетела метла, и дорожный развеялся пыльник.
Газани-ка, шофер! И давни-ка его за мостом!
Пусть он знает свое – это сыч, скоморох и насильник [17, с. 284].

Так автор почти уравнивает образы затворника, лиходея и царя.

В фольклорной традиции скоморохи изображали действительность, изменяя традиционные мотивы, что приводило к возникновению нового смысла и звучания произведения [4; 5]. У Тряпкина такие изменения происходят в российской действительности: «А за окнами нету ни ветра, ни сна, / Во все стороны света Россия слышна; / И кричат петухи среди снежных излог, / И рокочут в два провода гусли дорог...» [14, с. 158].

«В этих стихах невозможно не почувствовать того органического сплава песенной стихии и глубинных размышлений о России, судьбе национальной культуры, что находит своё воплощение в строчках, поражающих своей свободой, раскрепощённостью и одновременно внутренней сосредоточенностью» [10, с. 4].

В стихотворении «Прибаски» (1972–1977) элементы скоморошества налицо: и короткий четырехтактный развеселый напев с припевом, и шуточное содержание стихотворения, ведение рассказ от лица исполнителя.

Мимо дедовской завалинки... Скорее, брат, скорей!
Что за жаворонки – маленьки – в котомочке моей!

Ой, полным-полна коробушка! Не сетуй, не журишь!
Подскачили три воробушка, за гусельки взялись.

Ах, серебряны постромочки! Давай же, брат, давай!
У моей сестренки Томочки испекся каравай.

И стоит он, улыбается, как солнце, на столе.
А сестреночка взвивается на жарком помеле.

И все валенки – с проталинки!.. Скорей же, брат, скорей!
То не гусли у завалинки, а солнечный ручей... [15, с. 277].

Обращают на себя внимание специфические черты скоморошьяго стиля: ритмичность сказов, особый тип фантастики, необычный характер образности.

Итак, в поэтическом творчестве Н. И. Тряпкина репрезентация образа скомороха происходит двумя путями: с одной стороны, создается персонаж, близкий к изображению скомороха в отечественном фольклоре, с другой – идет наполнение образа новыми деталями, новыми смыслами и нехарактерными чертами. В большинстве стихотворений возникает образ балаганных весельчаков, колоритных персонажей русской старины, ставший значимым элементом русской культуры.

Список литературы

1. Аннинский Л. Николай Тряпкин: «Кровь железная...» [Электронный ресурс] // Лев Аннинский. Историк, литературовед, писатель. URL: <http://anninsky.ru/nikolaj-tryapkin.html>. (Дата обращения 10.03.2013.)
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Наука, 1973. 383 с.
3. Бондаренко В. Г. Последние поэты империи. М.: Мол. гвардия, 2005. 667 с.
4. Власова З. И. Скоморохи и сказка // Русская литература. 1988. № 2. С. 58–76.

5. Власова З. И. Скоморохи и фольклор. СПб. : Алетейя, 2001. 524 с.
6. Жигулин А. Рецензия на рукопись стихов Николая Тряпкина «Царская дорога» // РГАЛИ. ф. 1234. оп 23. ед. хр. 1524.
7. Журавлев В. «Гуси-лебеди» на поворотах истории // Тряпкин Н. Гуси-лебеди. Стихи. М. : Моск. рабочий, 1971. 307 с.
8. Королева И. А. А. Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: Через призму имен собственных. Смоленск : Смядынь, 2010. 156 с.
9. Котельников В. А. Тряпкин Н. И. // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь : в 2 ч. Ч. 2. М. : Просвещение, 1998. С. 461–463.
10. Куняев С. «Мой неизбывный Вертоград...». Николай Тряпкин (1918–1999) // Литература в школе. 2008. № 11. С. 2–6.
11. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 384 с.
12. Редькин В. А. Национальный мир в поэзии Николая Тряпкина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. Вып. 3. С. 54–63.
13. Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина. Рязань : Скрижали, 2012. 294 с.
14. Тряпкин Н. И. Избранное. М. : Худож. лит., 1984. 560 с.
15. Тряпкин Н. И. Скрип моей колыбели. М. : Сов. писатель, 1978. 285 с.
16. Тряпкин Н. И. Стихотворения. М. : Сов. Россия, 1977. 384 с.
17. Тряпкин Н. И. Стихотворения. М. : Худож. лит., 1989. 431 с.

THE IMAGE OF THE BUFFOON (SCOMOROKH) IN THE POETICAL WORKS OF N. I. TRYAPKIN

T. N. Khriptulova

Tver State University

the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The subject of the article is the image of the buffoon in the poems of N. Tryapkin. In Russian literature the image of the scomorokh has been preserved as a historical image of unsurpassed artistry, dexterity, cunning, wit, cynicism. In the poet's works the image of the scomorokh is transformed into that of a clown, jester and Joker, the embodiment of the Russian national character.

Keywords: *clown, tradition, folklore, N. I. Tryapkin.*

Об авторе:

ХРИПТУЛОВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: khriptulovatat@rambler.ru.

About the author:

KHRIPTULOVA Tatyana Nikolaevna – Doctoral Candidate, the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: khriptulovatat@rambler.ru.